

УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Специальная военная операция как триггер деривационных процессов в русском языке

Людмила Васильевна Соснина

*Донецкий национальный технический университет, Донецк, Россия,
ludmilasosnina@gmail.com, 0000-0002-9823-5152*

Аннотация

В современной лингвистике изучение языка войны находится в фокусе внимания многих ученых и развивает новое комплексное направление исследований. Данный научный труд является частью многоаспектного изучения языка современного медийного дискурса, где ставится цель – описать деривационные процессы и проанализировать отдельные аспекты языкового контента телеграм-каналов. Обращение к языку специальной военной операции позволяет изучить особенности медиакоммуникационной агрессии, которую мы трактуем как набор лексических средств негативной оценки для выражения неприязненного или враждебного отношения. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа векторов реализации лингвокреативного потенциала фразеологических единиц в контексте языка войны, а также рассмотрены деривационные особенности языковых единиц, являющихся результатом контаминации. Методологической основой изучения языка специальной военной операции явился синтез методов дериватологии, лексикологии, стилистики и лингвокогнитивного подхода. Наиболее продуктивным оказался метод количественного анализа, использованный для определения частотности употребления новообразований и тем самым для обеспечения объективности исследования. Материалом для изучения послужили номинативные единицы, представленные авторской картотечкой на основе телеграм-каналов, анализирующих события специальной военной операции. Лингвокреативность рассматривается как языковой потенциал лексической единицы, направленный на достижение заданных коммуникативных целей. Результатом отфраземного словообразования являются номинативные единицы, образованные при участии наиболее продуктивных суффиксов. Деривационные характеристики данных единиц и основные направления реализации гибридных слов в языке популярных телеграм-каналов исследуются в русле компрессивного словообразования. Контаминация является заметным языковым явлением, используемым в речи как способ выражения мысли адресанта, который придает высказыванию или тексту выразительность, подчеркивает нужные смысловые акценты. Контаминация языковых единиц является одним из основных источников расширения лексического состава языка и служит повышению экспрессивности медийных текстов, а также привлечению внимания к наиболее острым социальным проблемам, в том числе событиям специальной военной операции.

Ключевые слова: *деривация, компрессия, контаминация, лингвокреативный потенциал, речевая агрессия, фразеологизм, язык войны*

Для цитирования: Соснина Л. В. Специальная военная операция как триггер деривационных процессов в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 1 (237). С. 26–35. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Special military operation as a trigger of derivational processes in the Russian language

Lyudmila V. Sosnina

*Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation,
ludmilasosnina@gmail.com, 0000-0002-9823-5152*

Abstract

In modern linguistics, the study of the language of war is in the focus of attention of many scientists and it has developed a new complex research direction. Our article is a part of a multivariate study of the language of modern media discourse. We intend to describe derivational processes and analyze certain aspects of the Telegram channels linguistic content. Turning to the language of a special military operation allows us to study the peculiarities of media-communicative aggression, which we interpret as a set of lexical means of negative evaluation to express an unpleasant or hostile attitude. The work scientific novelty lies in the fact that for the first time we have made an attempt to analyze the vectors of the phraseological units linguo-creative potential realization in the context of the war language as well as the derivational features of linguistic units resulting from contamination have been considered. The

methodological basis for studying the language of a special military operation was a synthesis of methods of derivatology, lexicology, stylistics and linguocognitive approach. Of great importance is the method of quantitative analysis, we have used it to determine the frequency of new forms usage and thus to ensure the study objectivity. The material for the study was the nominative units presented by the author's card formed on the basis of telegram channels analyzing the events of a special military operation. We have considered linguocreativity as the lexical unit linguistic potential aimed at achieving the given communicative goals. The material for the study was provided with the nominative units extracted by continuous sampling means from the most popular Telegram channels covering the events of the special military operation. We considered linguocreativity as transformation of the words and word combinations meaning available in the language in order to achieve an emotional or pragmatic effect. The result of word formation is nominative units that affect the consciousness and perception of reality by a person. The derivational characteristics of these units and the main directions of the implementation of hybrid words in the language of popular Telegram channels are studied in the context of compressive word formation. Contamination is an important linguistic phenomenon used in speech as a way of expressing the addressee's thought. It gives expressiveness to an utterance or text and emphasizes the necessary semantic accents. Linguistic units contamination is one of the main sources of expanding the language lexical level and it serves to increase the expressiveness of media texts, as well as attracting the attention to the most urgent social problems, including the special military operation events.

Keywords: *derivation, compression, contamination, linguocreative potential, speech aggression, phraseologism, war language*

For citation: Sosnina L. V. Spetsial'naya voennaya operatsiya kak trigger derivatsionnykh protsessov v russkomazyke [Special military operation as a trigger of derivational processes in the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 1 (237), pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-1-26-35>

Введение

Специальная военная операция задумывалась как акт освобождения русских людей на территориях, прилегающих к Российской Федерации. Последние несколько лет нам приходится жить в условиях очень жесткой информационной войны, которая является составной частью масштабной гибридной войны. Мы наблюдаем противостояние двух и более сторон, которое осуществляется различными методами и средствами. Вооруженный конфликт на Украине является важным этапом для определения современного мироустройства и путей развития цивилизации. Несмотря на то, что в современном политическом дискурсе специальную военную операцию все чаще называют «революцией смыслов», де-факто спецоперация относится к числу «гибридных войн XXI столетия, которые подразумевают не столько противостояние на театре боевых действий, сколько выполнение целого ряда сопутствующих задач, в том числе формирование негативного имиджа противника, вплоть до его демонизации» [1, с. 71–72]. Медиакоммуникационную агрессию вполне можно рассматривать в качестве главного оружия гибридной войны против РФ. Считаем уместным процитировать Д. В. Соловьеву в той части, где «вербальная агрессия используется, как правило, когда не хватает аргументов, в мнимом споре начинает преобладать эмоциональная составляющая, рациональность отходит на второй план или вовсе исчезает» [2, с. 248].

В последние десятилетия весьма актуальными являются проблемы национальной идентичности и

национальной культуры, в том числе языковой, поскольку «язык всегда является «ядром национальной культуры, в нем отражены история страны, накопленные ценности, культурные нормы, которые сохраняются и передаются из поколения в поколение» [3, с. 173]. Однако любой язык позволяет описать реальность в различных аспектах и при этом не всегда благовидных, а «дискурсивные трансформации способны пробудить региональные конфликты и войны, которые происходят по всему миру» [4, с. 823].

В современной лингвистике существует несколько определений языка войны, но мы считаем важным мнение В. И. Теркулова о том, что «язык войны формирует некую отчужденную реальность боевых действий, фиксирует истоки, модели протекания, сущности войны, причем делает это путем сопряжения языковой фиксации событий войны через языковые картины мира участников конфликта» [5, с. 865]. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа и систематизации лексических единиц, представленных в виде авторской картотеки на основе телеграм-каналов, описывающих события СВО. Обращение к телеграм-каналам вполне объяснимо – это новостная площадка, предоставляющая оперативную информацию и имеющая постоянно увеличивающееся количество пользователей. Настоящая статья является частью многоаспектного изучения языка современного медийного дискурса, где будет предпринята попытка описать деривационные процессы и проанализировать отдельные аспекты языкового контента телеграм-каналов. Научная новиз-

на работы заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа векторов реализации лингвокреативного потенциала фразеологических единиц в контексте языка войны, а также рассмотрены деривационные особенности языковых единиц, являющихся результатом контаминации. Исследование голофрастических конструкций и контаминантов вполне возможно в рамках компрессивного словопроизводства. Оценивая практическую значимость работы, можно предположить, что материалы и выводы статьи могут найти применение в вузовской практике в процессе преподавания курсов и спецкурсов по словообразованию, стилистике, медиалингвистике, когнитивной лингвистике, дискурсологии, лингвокреативности и др.

Анализ лингвистической креативности или лингвокреативного потенциала языковых единиц называется сегодня одной из фундаментальных проблем языкознания в целом [6, с. 42]. О. М. Литвишко трактует лингвокреативность как «умение носителей языка использовать возможности языка в создании новых слов, трансформации значения имеющихся в языке слов и словосочетаний, тем самым способствуя достижению эмоционального или прагматического эффекта» [7, с. 120]. По мнению ученого, «основой лингвокреативности выступает комплекс знаний о языке, языковая картина мира, которой располагают носители, а также их способность использовать собственные знания о языковой системе в инновационном ключе» [7, с. 120]. Полагаем необходимым отметить, что «лингвистическая креативность – это своеобразная модификация языковых форм для речевой (дискурсивной) фиксации существующей материальной и иной действительности» [8, с. 377].

Действительность такова, что даже далекие от политики люди следят за событиями специальной военной операции. Обращение к языку телеграмканалов видится весьма своевременным, так как экспрессивные средства постоянно обновляются с целью поддержания устойчивого интереса к контенту. Необходимость всестороннего изучения языка войны считает приоритетным В. И. Теркулов, который определяет свои задачи как «многомерное, объемное изучение и описание лексикона, тезауруса и прагматикона войны, представленных в текстах разных типов, отражающих ее видение всеми участниками конфликта» [5, с. 863]. Согласимся с автором, что можно выделить два типа лексикона – лексикон воздействия и лексикон восприятия. Поскольку работа происходит с официальными телеграм-каналами с включенными комментариями, можно предположить, что предметом данного исследования выступает лексикон обоих заявленных типов. При этом несомненно, что факты «массового лингвокреатива», разнородные с

точки зрения лингвистической ценности и этической составляющей, должны быть соответствующим образом отобраны и прокомментированы [9, с. 84]. В работе будут проанализированы особенности отфраземного словообразования и определены основные направления реализации гибридных слов в языке популярных телеграм-каналов. Необходимо заметить, что слово «триггер» в названии статьи используется для обозначения событий СВО, которые послужили стимулом к образованию новых деривационных единиц.

Материал и методы

Методология изучения языка специальной военной операции представляет собой синтез методов дериватологии, ономазиологии, лексикологии, стилистики и дискурсологии. Материалом исследования послужили номинативные единицы, извлеченные способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов, анализирующих события специальной военной операции. Были отобраны 22 канала с числом подписчиков от 10 тысяч до 2,5 миллиона. Метод квантитативного анализа был использован для определения частотности употребления заявленных языковых единиц и тем самым для обеспечения объективности исследования. Теоретическое обоснование исследования стало возможным при сравнении существующих научных концепций за счет метода логического сопоставления. Метод дистрибутивного анализа использовался для изучения взаимосвязи языковых единиц с их окружением или контекстом. Метод компонентного анализа, целью которого является разложение значения на минимальные семантические элементы, позволил изучить содержательную составляющую языковых структур. Данный метод оказался весьма полезным в части изучения явления контаминации. Описательный метод использовался при описании структурных разновидностей номинативных единиц.

Результаты исследования

Фразеологизмы. Процесс образования слов на базе фразеологических единиц до сих пор является недостаточно изученным и не имеет четкого обозначения в современных лингвистических исследованиях. Мы встретили несколько терминов, детерминирующих данный процесс, а именно: отфразеологическое словообразование (Е. Н. Ермакова, Т. П. Белоусова, О. И. Литвинникова), отфраземное словообразование (Е. В. Сенько, В. Н. Пугач), отфразеологическое словопроизводство (А. М. Бушуй), лексикализация словосочетания (Р. Н. Попов), семантическое сжатие (Т. Н. Семенова), фразеологическая деривация (С. Н. Денисенко, А. В. Петров), окказиональная лексическая дерива-

ция (М. А. Алексеенко). В качестве рабочего предлагаем использовать термин «отфраземное словообразование», который реализуется в двух направлениях – процесс механического сложения слов без всяких видимых изменений и использование одного из компонентов фразеологизма в качестве единицы со свободным лексическим значением.

Согласимся с Н. Ф. Алефиренко, что производящие единицы и дериваты связаны довольно сложными семантико-словообразовательными отношениями, характер которых определяется «способом словообразования и структурно-семантическими свойствами производящих основ и деривационных аффиксов» [10, с. 101].

Далее будут рассмотрены особенности образования новых номинативных единиц в контексте специальной военной операции, когда в качестве производящего словосочетания выступают фразеологизмы *моя хата с краю* и *пиши пропало* (все пропало).

Моя хата с краю – это меня совершенно не касается, это абсолютно не мое дело. Выражение является усеченным вариантом поговорки *Моя хата с краю, я ничего не знаю*, современная интерпретация которого применима к человеку, не желающему участвовать в разрешении конфликтов и демонстрирующему отстраненность от происходящего. В телеграм-каналах появился вариант данного фразеологизма – *хата с краю* или голофрастическая конструкция *хата с краю*, которые имеют отрицательные коннотации и являются производящей основой для образования прилагательного *хатаскрайний* и номинативной единицы *хатаскрайник*, например: *Вы обычные, «хатаскрайние» мрази* [11]; *Хатаскрайники плющат друг другу рыла, сметая всю воду в магазинах* [12]; *Не будьте «хатаскрайниками». Подумайте о других* [13]; *Российские «хатаскрайники» должны понимать* [14]; *Уйти из публичной сферы. Стать хатаскрайником* [11]; *Но «хатаскрайники» видимо, в нашем обществе не переведутся никогда* [13].

Выражение *пиши пропало* существовало в русском языке XIX в. и характеризовало недобросовестных чиновников, которые пытались списать пропавший товар. Эту фразеологическую идиому В. В. Виноградов относит к так называемым фразеологическим сращениям, то есть единицам с немотивированной внутренней формой (ср. *чего доброго, вот тебе и на, так и быть, как бы не так*). Позже появились варианты *все пропало* (шуточное *Шеф, все пропало!*) или конструкция *все пропало* – как мы уже отмечали ранее, в современном словообразовании одним из самых заметных процессов является голофразис. Многие лингвисты (И. В. Ляшенко, И. А. Ковынева, Т. В. Власкина, Л. Ю. Мирзоева и др.) полагают, что голофразис направлен на

экономии речевых усилий и дает возможность к новому осмыслению русского словообразования.

Ставшее уже привычным слово *всёпропальщик* характеризует личность, склонную усматривать катастрофу в любом событии, жить в состоянии нагнетания паники, отчаяния, полной беспомощности и безнадежности с элементами вселенской скорби. Это восприятие мира в черных красках с позиций непреодолимости, безвыходности, неправимости и предрешенности негативных жизненных ситуаций. Каждая неприятная для *всёпропальщика* жизненная ситуация превращается в бедствие, трагедию и ужас. Если говорить о манипулятивном воздействии на личность (очернение, запугивание, хаос, распространение среди населения паники и страха), то зачастую блогеры сознательно занимают позицию *всёпропальщика*. Им известно, что люди в большинстве своем активнее реагируют на «все пропало», чем на «все будет хорошо». Подтверждаем следующими примерами: *А всёпропальщиков в мусор и в бан* [11]; *Всёпропальщики сегодня* [12]; *Куда деваются всёпропальщики каждый раз, когда их истерика оказывается паранойей?* [12]; *Второй день всёпропальщики и чубняваяцпснся бесятся* [12]; *Всёпропальщик хуже зрадника* [12]; *Друзья, особо активных «всёпропальщиков», «наспредательщиков» и «насливальщиков» мы будем банить без предупреждения* [14]; *Ура-патриоты становятся «всёпропальщиками»*; *В том числе со стороны всёпропальщически настроенных граждан* [15]; *Но видео я советую посмотреть всем всёпропальщикам* [16]; *Не утихают спекуляции «всёпропальщиков» по поводу будущего трибунала над нацистами* [17].

Суффиксация. По данным нашей картотеки, языковые единицы, образованные по аналогии со словом *всёпропальщики* на базе голофрастических конструкций *наспредали, насливают, путинвсеслил, байдenvсеслил*, весьма популярны в телеграм-каналах, зафиксировано 37 употреблений. Здесь стоит отметить высокую продуктивность суффикса *-щик* как одного из наиболее распространенных и узнаваемых в русском языке, который придает словам новое значение, часто указывает на статус человека и выражает признак, характеристику или отношение к чему-либо, например: *Тысячи наших путинвсёслильщиков плевались в экраны своих гаджетов* [14]; *Представляю американских всёпропальщиков и байдenvсёслильщиков* [18]; *А для «всёпропальщиков» и «слильщиков», ну может хо-рош!?* [14].

Конструкции *мызамир* и *нетвойне* служат производящей основой для окказионализмов *нетвойняшки* и *мызамирцы* (*мызамирец* по модели *миротворец*). Напомним, что суффикс *-ец* служит для

обозначения лиц по принадлежности к какому-нибудь общественному, идейному течению, какой-нибудь организации, по какому-нибудь действию, деятельности или по признаку, качеству, определяющему характер лица. Современное состояние российского общества таково, что мы наблюдаем противопоставление наименований *этники* (*зэтовцы, зэтовинисты, завойнисты*) и *нетвойняшки*. В медийном дискурсе реализуется концепция презрительного отношения к противникам войны, обобщенное представление о которых выражается словом *нетвойняшки* (корень *нет*, корень *войн*, суффикс *яшк*). Как правило, речь идет о представителях либеральных течений, артистической богемы и пацифистски настроенной интеллигенции. Приведем следующие примеры: *Народ прозвал их нетвойняшками и мызмирцами* [16]; *Как и почему пацифизм «нетвойняшек» перетекает в работу на вражескую разведку* [17]; *Он не забыл про «нетвойняшек»: им пусть можно будет в Европу* [17]; *Оказывается, все соевые недоумки и светловицы нетвойняшки обожают войну* [12].

Креативный потенциал отдельных номинативных единиц является «проявлением глобального свойства языка, его динамичности, его стремления к эволюционированию» [19, с. 161]. Экспликация креативного потенциала наблюдается при определенных условиях, в данном случае всплеск словообразовательной активности связан с политическими событиями, вернее сказать, с самой острой и неординарной фазой военного конфликта.

Контаминация. В современной лингвистике не существует четкого разграничения понятий *блендинг* и *контаминация*. Многие лингвисты придерживаются терминов *телескопия* или *телескопические слова (слова-гибриды)*, который по сути своей не полностью синонимичен терминам *контаминация* или *блендинг*, но все исследователи сходятся во мнении, что каждое из перечисленных языковых явлений является продуктивным способом возникновения окказиональных новообразований. Более того, существует мнение, что по своей природе контаминация предполагает «привлечение основных когнитивных и творческих способностей человека, что обусловлено желанием выразить мысль как можно полнее, точнее и ярче» [20, с. 20]. Л. Т. Касперова определяет блендинг как способ языковой игры, который «обеспечивает создание экспрессивных окказионализмов, служит показателем высокого уровня метаязыковой рефлексии наивных пользователей языка» [21, с. 244]. Медийный же дискурс способствует проникновению в состав языка новых, необычных слов, призванных не только «побуждать интерес читателей к предоставляемой информации, но и реализовать

один из принципов языка – экономию языковых средств посредством компрессии» [22, с. 78].

Е. А. Земской принадлежат важнейшие открытия в области компрессивного словообразования. Ученый рассматривает контаминацию как одно из стратегически важных направлений развития словообразовательной системы русского языка, определяя его как специфический прием, при котором «слова накладываются, наезжают друг на друга», «конец одного является началом другого»: *каламбурильщики от каламбур и бурильщики* [23, с. 91]. Именно Е. А. Земская обратила внимание на некоторые различия в образовании гибридных слов с участием целых или усеченных основ, однако в целом данные конструкции вряд ли могут быть противопоставлены.

В одной из наших предыдущих работ мы обращались к проблеме контаминации и отметили, что процесс междусловного наложения является предметом изучения многих современных лингвистов, которые рассматривают его как часть неологизации лексического состава русского языка. Авторы сходятся во мнении, что «отличительной особенностью контаминации как специфического способа деривации выступает объединение двух мотивирующих слов в рамках одной производной единицы, что способствует компрессии и “свертыванию” семантики словосочетания или предикативной единицы в одно слово» [24, с. 58]. Контаминация используется в речи как «мотивированный коммуникативными целями, условиями речевого общения стилистически значимый способ выражения мысли адресанта, чтобы придать высказыванию или тексту экспрессию, повысить выразительность речи, подчеркнуть нужные адресанту смысловые, оценочные, эмоциональные акценты, определенную тональность слов, фразы, абзаца, текста в целом» [25, с. 6].

Полагаем, что экспрессивность текстов в медийном дискурсе, в частности сообщений в телеграм-каналах, достигается путем использования моделей окказионального словообразования, в том числе контаминантов: *Любопытные вещи стали происходить с нашими «гастрольбайтерами» за рубежом* [26]; *Многохоловочка – мы тактически отступаем* [12]; *Пока Быдломыкола думает, где бы найти бронезилет из рессор* [16].

Как вполне справедливо пишет З. И. Минеева, данные конструкции ставят цель «привлечь внимание адресата необычной формой, нарушающей автоматизм восприятия текста, успешно акцентировать внимание на наиболее актуальных проблемах современного социума» [24, с. 65]. Учитывая особую экспрессивность контаминантов, лингвисты полагают, что при их участии «осуществляется языковая игра, передача имплицитных смыслов,

которые по разным причинам не могут быть выражены явно» [24, с. 66]. К проблеме языковой игры обращается и Л. Т. Касперова, заявляя, что интернет-коммуникации присущ «высокий уровень метаязыковой рефлексии, которая характеризует все формы лингвокреативной деятельности, включая языковую игру» [21, с. 241].

В традиционной лингвистике существует мнение, что контаминация языковых единиц является одним из основных источников многочисленных нарушений языковой нормы [27, с. 1781]. Наименование *Бандерштадт* может рассматриваться как производное от фамилии *Бандера* и слова *штадт* (или часто встречающийся вариант *штат*), которое в немецком языке обозначает ‘город’. Под *Бандерштадтом* понимается Украина как государство, а также Львов и Луцк как самые западные и националистически настроенные города, например: *Дебиловатый оператор тоже отправился в Небесный Бандерштадт* [28]; *То, что вы сейчас видите, официально называется «Фестиваль украинского духа «Бандерштадт»* [28]; *Хорошая идея, но мне кажется, что Бандерштадт или Бандербург будет звучать естественней* [11]; *Бандерштадт всей душой с Павлоградом* [29]; *Хороший бандерштадт – мертвый бандерштадт* [28]; *Между тем в бандерштате считают, что линия фронта может удлиниться* [16]; *Пусть вам выделит новый Бандерштат на своей территории* [16]; *Есть Украина, а есть Бандерштат* [30].

В телеграм-канале Дмитрия Медведева встречается окказионализм *Бандероукраина*, здесь наблюдаем явление афезезы – начальное усечение основы слова *Украина*, например: *Требуется принять на сохранение Бандероукраину* [31]; *Бывший премьер Британии Бориска Джонсон предложил принять Бандероукраину в НАТО «без условий»* [31]. К числу окказиональных образований отнесем наименование *Бахтемовск* (*Бахмут* + *Артемовск*), где наблюдается усечение основы первого слова и двух первых букв второго: *Бахтёмовск* – почему вредно переименовывать города [17].

Особое внимание стоит уделить лексическим единицам, созданным по уже имеющимся в языке словообразовательным моделям, возникновение которых можно объяснить потребностью в соответствующем наименовании. Зачастую конструктом выступают иноязычные слова, формирующие агрессивную лексему, например: *харрасмент* – *тарасмент*, *шейминг* – *свиношейминг/хохлошейминг*: *Все, что останется, обещаю потратить на свиношейминг и абьюзивный тарасмент* [12]; *Все, что останется, обещаю потратить на казино Житомира, абьюзивную свиноотравлю, мизогенный хохлошейминг и неприкрытый тарасмент* [12].

Подтверждая слухи о зависимости Зеленского от употребления кокаина, резко увеличивается количество употреблений контаминанта *кокаииниссимус* (*кокаин* + *генералиссимус*), наблюдаем слияние основы первого слова с усеченной частью основы второго, например: *Кокаииниссимус сказал – «Всем спать»* [13]; По мнению украинского командования и *Кокаииниссимуса* [28]; *Кокаииниссимус решил кинуть доблестный УкрВермахт в очередной раз* [14]. В продолжение темы наркотической зависимости В. Зеленского в телеграм-каналах реализуется окказионализм *наркомандующий* (*наркоман* + *командующий*), слово стало популярным в 2022 г. после начала боевых действий: *Хохлы и тут не придумали ничего умнее, чем зеркалаить со своего снюханного наркомандующего* [12]; *Наркомандующий утверждает, что Россия разместила «похожие на взрывчатку предметы» на блоках ЗАЭС* [16].

По аналогии с моделью *кокаииниссимус* образовано слово *кварталиссимус* (*квартал* + *генералиссимус*), где квартал указывает на род занятий В. Зеленского в прошлом, когда он участвовал в популярном шоу «95 квартал»: *Пока украинское общество, ведомое кварталиссимусом, уговаривает себя, что все будет хорошо, Россия поменяла тактику* [29]; *Началось все с заявления их кварталиссимуса о том, что режим в Киеве готов судиться с «партнерами», запрещающими импорт зерна из хохлостана* [16]; *А теперь сам кварталиссимус их озвучил* [29].

Используя метод количественного анализа, было установлено, что самую многочисленную часть картотеки образуют контаминанты с префиксом *укро-* (всего 311 наименований). Поэтому целесообразно определить статус субъектов/объектов и выделить следующие группы:

1) наименования украинских военных формирований, например: *У укрофашистов святого ничего ни в голове, ни в душах* [13]; *Так сейчас нужны укроармии для войны с «орками»* [30]; *Укромрази бьют по Верхнекальмиусскому водохранилищу уже несколько месяцев* [32]; *Укромрази из ВСУ забросали центральные улицы Донецка «лепестками», противопехотными минами* [28]; *Раз уж они решили принять деятельное участие в выучке укротеррористов* [29]; *Укронациков откалибровали* [29]; *Как думаете, что мычат укропитеки на этот счет?* [30]; *Но укропитеки вроде бы его предьявляют живого* [28]; *Сейчас укровояку разыскивают* [17]; *Уничтожение блинджа укровояк вместе с установкой АГС* [28]; *Укровояки оказались понятливые и тут же вылезли на поверхность, где наши бойцы их и скрутили* [29]; *Одно из разведподразделений укротермахта попыталось зайти в село Белогрудово* [22]; *Зеленский после*

конфуза в Изюме полностью избегает общения с местным населением на захваченных **укровермахтом** территориях [29]; В Красном Лимане – **укровермахт** на улицах [14]; К тому же это – севернее основного, купянского, участка сосредоточения сил **укровермахта** [29];

2) наименования, содержащие украинизмы (перемога – победа, зрада – предательство, наступ – наступление), например: Несмотря на все **укроперемоги** под Киевом, Кличко заявил, что эвакуация из города невозможна [28]; Каждая информационная **укроперемога** мутит сознание наших граждан [14]; **Укрозрада**. Еще двое побрели к бандере [33]; Вот такой мясной **укронаступ** [28].

Заметим, что А. В. Савченко считает характерной особенностью украинизмов способность «создавать в контексте большой комический эффект, выражать повышенную иронию, даже сарказм; нередко они также служат элементом “языкового стеба”, а в некоторых случаях и языковой агрессии» [34, с. 1119]. Используя украинизмы, авторы «выражают свои политические взгляды, придают текстам эмоционально-экспрессивную окраску» [35, с. 46]. Кроме того, в значении большинства подобных единиц присутствуют эмоционально окрашенные компоненты, отражающие ироническое отношение к происходящим событиям [36, с. 51];

3) наименования украинских медийных ресурсов, например: **Укросми** публикуют видео, где большая колонна полученной ВСУ американской и британской техники двигается под Бахмут [28]; ПВО работает по беспилотникам, но судя по реакции **укроСМИ**, без особого успеха [14]; **УкросМИ** сообщают, что Россия подняла в воздух стратегическую авиацию [29]; Пару дней назад выдал **укропропаганде** сногшибательную статистику [29]; Все, что остается сейчас **укропропаганде** – это лепить фейки с нарисованными буквами Z [17];

4) наименования политического режима Украины, например: Просто выявить тех, кто сомневается и может быть потенциальным предателем и может действовать против **укрорейха** [28]; Шпионские игры, расследования и свободный Донбасс как начало конца **Укрорейха** [26]; Из закрытых чатов **укрорейха** говорят, то значит, что ваши дроны полетят по целям **укрорейха** и НАТОвской техники [29]; По сообщениям из украинских каналов, ракеты кружили над центральной частью **укрорейха** [16];

5) именованя президента Украины В. Зеленского, например: Словом, **укробонапарт Зеленский** все просчитывает [28]; Поздравляем **укрофюрера** с очередной «перемогой» своих подопечных [32]; Жинка **укрофюрера** похвасталась в интервью британскому Talk TV о том, что «они с

мужем стали больше интересоваться друг другом» после начала спецоперации [14]; Владеющий навыками НПП советник **укрофюрера** Алексей Арестович [28];

б) наименования украинских журналистов, блогеров, например: Можно понять организаторов встречи **укрожурналистов** с Зеленским [29]; Оставшиеся за бортом начальственных симпатий **укрогеббельсы** ожидаемо устроили шум и потасовку [14]; Сколько еще крови должно пролиться, чтобы исчез этот долбаный комплекс неполноценности!?» – возмущался **укрожурналиюга** [14]; Два дня **укроблогеры** радостно постили фотографию реконструкции набережной российского Крыма [28]; **Укроблогеры** постят картинку со «сбитой 44 ракеты из 50» [29]; **Укроблогерша-эскортница** Ксюша Манекен опубликовала странное фото в честь «дня независимости Украины» [14].

В рамках одной статьи довольно сложно проанализировать все аспекты реализации контаминантов, но мы настаиваем на том, что языковые единицы, содержащие конструкт **укро-**, относятся к средствам вербализации языковой агрессии.

Заключение

В результате проведенного исследования приходим к заключению, что специальная военная операция явилась триггером деривационных процессов в современном русском языке. Поскольку любая война представляет собой явление уникальное, следовательно, лингвистический аспект ее изучения предполагает анализ окказиональных образований, отличающихся выразительностью и необычностью. Итогом работы явилось уточнение креативного потенциала лексической единицы как способности неординарного выражения ее значения путем экспликации скрытых смыслов. Фразеологические обороты *моя хата с краю* и *пиши пропало*, а также их многочисленные варианты (особенно голофрастические конструкции) являются производящей основой для возникновения суффиксальных дериватов *хатаскрайкини*, *всепропальщики* и т. п. Следует отметить высокий деривационный потенциал голофрастических конструкций. Контаминация трактуется как один из основных способов компрессивного словообразования, объединяющий мотивирующие слова в одну основу при свертывании значения словосочетания в одно целое. В то же время контаминация языковых единиц является источником многочисленных нарушений языковой нормы, но, вне всякого сомнения, служит повышению экспрессивности медийных текстов и привлечению внимания адресатов к наиболее острым социальным проблемам.

Окказиональные образования прочно укрепились в русском языке, однако в пределах данной работы мы не беремся утверждать, насколько основательной и устойчивой окажется данная тенденция. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении этнофолизов как одного из способов реализации речевой агрессии в современном медийном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А. Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12 (4). С. 71–76. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76
2. Соловьёва Д. В. Семантика противостояния в лексемах современных медиатекстов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. В. Лобачевского. 2017. № 3. С. 247–253.
3. Васенина И. В., Прончев Г. Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. 2018. № 2. С. 170–177.
4. Пушина Н. И., Пушин О. М. Язык войны vs язык мира // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 5. С. 820–827. doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827
5. Теркулов В. И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16 (6). С. 862–870.
6. Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 40–60.
7. Литвишко О. М., Руденко Н. С., Чалая Ю. П. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 117–130. doi: 10.29025/2079-6021-2022-1-117-130
8. Абдуллаева Ч. Б. Лингвокреативность в контексте антропоцентризма // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 3. С. 375–379.
9. Ремчукова Е. Н. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2013. № 2. С. 83–89.
10. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
11. Говорит Долгов. URL: <https://t.me/superdolgov> (дата обращения: 27.12.2023).
12. Салобой. URL: <https://t.me/SALOBOY> (дата обращения: 16.11.2023).
13. ЧП Донецк. URL: https://t.me/chp_donetska (дата обращения: 14.01.2024).
14. Петя Первый. URL: https://t.me/Petya_perviy (дата обращения: 11.01.2024).
15. МИГ России. URL: <https://t.me/mig41> (дата обращения: 28.01.2024).
16. Тройка. URL: <https://t.me/rustroyka1945> (дата обращения: 07.02.2024).
17. Ридовка. URL: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения: 08.11.2023).
18. Нелавров. URL: <https://t.me/nelavrov> (дата обращения: 16.11.2023).
19. Попова А. Р. Лексическая единица как носитель креативного потенциала // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2010. № 3-2. С. 159–163.
20. Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Вестник Саратовского университета. Серия: Филология, журналистика. 2012. Т. 12. С. 18–22.
21. Касперова Л. Т. Блендинг в интернет-коммуникации: лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте») // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 231–250. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250
22. Слепцова С. В., Акиншина И. Б., Авилова И. А. К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 4 (228). С. 76–83. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83
23. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.
24. Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 58–68.
25. Соснина Л. В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. 2021. № 3. С. 3–8.
26. Белорусский силовик. URL: https://t.me/belarusian_silovik (дата обращения: 21.02.2024).
27. Мурясов Р. З., Каштанова Д. Д. Контаминации в системе словообразования // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 4. С. 1781–1783.
28. Борис Рожин Colonelcassad. URL: https://t.me/boris_rozhin (дата обращения: 08.01.2024).
29. Украина.ру. URL: https://t.me/ukraina_ru (дата обращения: 12.02.2024).

30. Военный Z Донецк. URL: <https://t.me/militarydonetsk> (дата обращения: 18.01.2024).
31. Дмитрий Медведев. URL: https://t.me/medvedev_telegram (дата обращения: 19.10.2023).
32. Репортер Руденко. URL: <https://t.me/RtrDonetsk> (дата обращения: 12.02.2024).
33. Неофициальный Безсонов. URL: <https://t.me/NeoficialniyBezsonoV> (дата обращения: 19.10.2023).
34. Савченко А. В. Лексико-семантические украинизмы в русском языке: стилистико-прагматический аспект // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 1105–1124.
35. Колесник Н. Г. Новейшие украинские заимствования в современном русском языке // Социоллингвистика. 2022. № 4 (8). С. 47–59. doi: 10.37892/2713-2951-4-8-47-59
36. Колесник Т. И. Украинизмы с пейоративной семантикой в современном медиадискурсе: лингвоэкологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97, № 2. С. 45–49. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-45-49

References

1. Shtilov A. B. Informationsnoye i PR-soprovozhdeniye spetsial'noy voennoy operatsii Rossii na Ukraine: osnovnye trendy i uroki pervogo etapa [Information and PR support of Russia's special military operation in Ukraine: Major trends and lessons of the first stage]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12(4), pp. 71–76 (in Russian). doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76
2. Solov'eva D. V. Semantika protivostoyaniya v leksemakh sovremennykh mediatekstv [The semantics of confrontation in lexemes of modern media texts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. V. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2017, no. 3, pp. 247–253 (in Russian).
3. Vasenina I. V., Pronchev G. B. Rechevaya agressiya v sotsial'nykh setyakh Interneta [Verbal aggression in social networks on the Internet]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2018, no. 2, pp. 170–177 (in Russian).
4. Pushina N. I., Pushin O. M. Yazyk voyny vs yazyk mira [the language of war and the language of peace]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2020, vol. 16, no. 5, pp. 820–827 (in Russian). doi: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-820-827
5. Terkulov V. I. Lingvistika vojny: taktiki vospriyatiya i vozdeystviya [War Linguistics: Perception and Influence Tactics]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences*, 2023, no. 16 (6), pp. 862–870 (in Russian).
6. Duskaeva L. R., Ivanova L. Ju. Lingvokreativnost' v sozdanii parateksta telegram-kanala [Linguocreativity in composing a telegram channel paratext]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023. no. 20 (1), pp. 40–60 (in Russian).
7. Litvishko O. M., Rudenko N. S., Chalaya Yu. P. Lingvokreativnost' v diskurse elektronnykh SMI: sredstva i metody [Linguistic Creativity in Electronic Mass Media Discourse: Means and Methods]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 117–130 (in Russian). doi: 10.29025/2079-6021-2022-1-117-130
8. Abdullaeva Ch. B. Lingvokreativnost' v kontekste antropotsentrizma [Linguocreativity in anthropocentric context]. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 375–379 (in Russian).
9. Remchukova E. N. Massovyy lingvokreativ: preodoleniye standartov [Mass linguocreativity: surmounting standards]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2013, no. 2, pp. 83–89 (in Russian).
10. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. *Frazeologiya i paremiologiya: uchebnoye posobiye* [Phraseology and paremiology textbook]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 344 p. (in Russian).
11. *Govorit Dolgov* (in Russian). URL: <https://t.me/superdolgov> (accessed 27 December 2024) (in Russian).
12. *Saloboy* (in Russian). URL: <https://t.me/SALOBOY> (accessed 16 November 2023) (in Russian).
13. *ChP Donetsk* (in Russian). URL: https://t.me/chp_donetska (accessed 14 January 2024) (in Russian).
14. *Petya Pervyy* (in Russian). URL: https://t.me/Petya_perviy (accessed 11 January 2024) (in Russian).
15. *MIG Rossii* (in Russian). URL: <https://t.me/mig41> (accessed 28 January 2024) (in Russian).
16. *Troyka* (in Russian). URL: <https://t.me/rustroyka1945> (accessed 7 February 2024) (in Russian).
17. *Ridovka* (in Russian). URL: <https://t.me/readovkanews> (accessed 8 November 2023) (in Russian).
18. *Nelavrov* (in Russian). URL: <https://t.me/nelavrov> (accessed 16 November 2023) (in Russian).
19. Popova A. R. Leksicheskaja edinica kak nositel' kreativnogo potentsiala [Lexical item as a holder of creative potential]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2010. no. 3-2, pp. 159–163 (in Russian).
20. Abrosimova L. S. Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoj paradigmy [Blending from the Aspect of cognitive-communicative paradigm]. *Vestnik Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya, zhurnalistika*, 2012. no. 12, pp. 18–22 (in Russian).
21. Kasperova L. T. Blending v internet-kommunikacii: lingvokreativnyj aspekt (na materiale social'noj seti «VKontakte») [Blending in Internet Communication: Linguistic and Creative Aspect (“VKontakte” Social Network)]. *Nauchnyj dialog*, 2022, vol. 11, no. 7, pp. 231–250 (in Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-231-250

22. SSleptsova S. V., Akinshina I. B., Avilova I. A. K voprosu o tipologii teleskopnykh edinit (na materiale frantsuzskoy publitsistiki) [On the typology of telescoped words (based on the material of French journalism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 76–83 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76–83
23. Zemskaya E. A. *Aktual'nye protsessy sovremennogo slovoпроизводства. Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Active processes of modern word production. Russian language of the end of XX century (1985–1995)]. Moscow, 2000. 491 p. (in Russian).
24. Mineeva Z. I. Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsiy cheloveka [Contamination in the formation of human nominations]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*, 2015, no. 25 (2), pp. 58–68 (in Russian).
25. Sosnina L. V. Yazykovye osobennosti voennogo konflikta v mediynom diskurse [Language features of military conflict in media discourse]. *Vestnik DonNU. Seriya D: Filologiya i psihologiya – Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, 2021, no. 3, pp. 3–8 (in Russian).
26. *Belorusskiy silovik* (in Russian). URL: https://t.me/belarusian_silovik (accessed 21 February 2024) (in Russian).
27. Murjasov R. Z., Kashtanova D. D. Kontaminatsii v sisteme slovoobrazovaniya [Contamination in word-formation system]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 4, pp. 1781–1783 (in Russian).
28. *Boris Rozhin Colonelcassad* (in Russian). URL: https://t.me/boris_rozhin (accessed 8 January 2024) (in Russian).
29. *Ukraina.ru* (in Russian). URL: https://t.me/ukraina_ru (accessed 12 February 2024) (in Russian).
30. *Voennyi Z Doneck* (in Russian). URL: <https://t.me/militarydonetsk> (accessed 18 January 2024) (in Russian).
31. *Dmitrij Medvedev* (in Russian). URL: https://t.me/medvedev_telegram (accessed 19 October 2023) (in Russian).
32. *Reporter Rudenko* (in Russian). URL: <https://t.me/RtrDonetsk> (accessed 12 February 2024) (in Russian).
33. *Neofitsial'nyy Bezsonov* (in Russian). URL: <https://t.me/NeoficialniyBeZsonoV> (accessed 19 October 2023) (in Russian).
34. Savchenko A. V. Leksiko-semanticheskiye ukrainizmy v russkom yazyke: stilistiko-pragmaticheskiy aspekt [Lexico-semantic ukrainisms in Russian: stylistic and pragmatic aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 1105–1124 (in Russian).
35. Kolesnik N. G. Noveyshiye ukrainskiye zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke [The latest Ukrainian borrowings in modern Russian]. *Sotsiolingvistika (elektronnyy resurs) – Sociolinguistics (online)*, 2022, no. 4 (8), pp. 47–59 (in Russian). doi: 10.37892/2713-2951-4-8-47-59
36. Kolesnik T. I. Ukrainizmy s peyorativnoy semantikoy v sovremennom mediadiskurse: lingvoekologicheskiy aspekt [Ukrainisms with pejorative semantics in contemporary media discourse: linguoecological aspect]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – The Humanities and Social Sciences*, 2023, vol. 97, no. 2, pp. 45–49 (in Russian). doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-45-49

Информация об авторе

Соснина Л. В., доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка, Донецкий национальный технический университет (ул. Артема, 58, Донецк, ДНР, Россия, 283000).

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-9823-5152. SPIN-код: 3481-0957. Author ID: 855784.

Web of Science Researcher ID: D-1581-2016

Information about the author

Sosnina L. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of English Language Department, Donetsk National Technical University (ul. Artyoma, 58, Donetsk, DPR, Russian Federation, 283000).

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-9823-5152. SPIN-code: 3481-0957. Author ID: 855784.

Web of Science Researcher ID: D-1581-2016.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; принята к публикации 29.11.2024

The article was submitted 25.03.2024; accepted for publication 29.11.2024